

ДИКАРЕВ Илья Степанович
Волгоградский государственный
университет, Волгоград, Россия;
e-mail: iliadikarev@volsu.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

DIKAREV Ilya Stepanovich
Volgograd State University, Volgograd, Russia,

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА В ВОЕННЫХ СУДАХ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

SPECIAL PROCEDURE FOR MILITARY COURTS TO TRY TERRORIST CRIMES:
HISTORICAL PARALLELS

Аннотация. Современное уголовно-процессуальное законодательство устанавливает ряд особенностей процедуры производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности. Однако объем и значение таких особенностей столь незначительны, что говорить о наличии дифференцированной формы производства по делам данной группы не приходится. Между тем в военном уголовном судопроизводстве России второй половины XIX – начала XX в. производство по уголовным делам о преступлениях государственных характеризовалось существенной спецификой. Учитывая, что в современном уголовном процессе рассмотрение уголовных дел о преступлениях террористической направленности также отнесено к компетенции военных судов, изучение накопленного исторического опыта представляется весьма полезным для определения направлений совершенствования действующего законодательства. Цель: выявить применявшиеся в военных судах царской России особенности производства по уголовным делам о государственных преступлениях, связанных с террористической деятельностью, и на основе сравнительного анализа с действующим порядком наметить пути совершенствования современного уголовно-процессуального законодательства. Методы: методологической базой исследования послужил диалектический метод. Кроме того, применялись общенаучные методы анализа, синтеза и системный подход, а также специально-юридические методы: историко-правовой, юридической интерпретации и логико-юридический. Результаты: проведенное исследование показало, что предпринимаемые современным законодателем шаги в направлении регламентации производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности во многом повторяют процессы, происходившие в законодательстве Российской империи в период, когда страна столкнулась с беспрецедентной террористической угрозой. В то же время историко-правовой анализ позволил выявить лакуны в современной регламентации процессуальной деятельности, выражающиеся, в частности, в отсутствии влияния особых правовых режимов (включая правовой режим контртеррористической операции) на процессуальную форму производства по уголовным делам.

Abstract. Contemporary criminal procedure legislation establishes some features of the procedure for criminal proceedings relating to terrorist crimes. However, the size and importance of such features are so insignificant that there is no differentiation in the form of proceedings in this group. Meanwhile, in the second half of the 19th and early 20th century, military criminal proceedings in Russia were characterized by significant specifics in criminal cases involving state crimes. The study of historical experience seems to be very useful for determining the directions for improving the current legislation, because in contemporary criminal proceedings, the consideration of criminal cases on terrorist crimes is attributed to the competence of military courts. Purpose: to identify the peculiarities of criminal proceedings concerning state crimes related to terrorist activities used in the military courts of tsarist Russia, and on the basis of a comparative analysis with the current procedure, to outline ways to improve modern criminal procedure legislation. Methods: the dialectical method is the methodological basis of the study. In addition, general scientific methods of analysis, synthesis and a systematic approach are used, as well as special legal methods: historical-legal, legal interpretation and logical-legal. Results: the study shows that the steps taken by the modern legislator in regulating criminal proceedings on terrorist crimes largely repeat the processes that took place in the legislation of the Russian Empire during the period when the country faced an unprecedented terrorist threat. At the same time, the historical and legal analysis reveals gaps in the current regulation of procedural activities, such as the lack of influence of special legal regimes (including the legal regime of the counter-terrorism operation) on the procedural form of criminal proceedings.

Ключевые слова: военный суд, подсудность, процессуальная форма, гласность, терроризм, преступления террористической направленности

Keywords: military court, jurisdiction, procedural form, publicity, terrorism, terrorist crimes

Для цитирования: Дикарев И.С. Особый порядок производства в военных судах по делам о преступлениях террористической направленности: исторические параллели / И.С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 4. – С. 130–137. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.18.

For citation: Dikarev I.S. Special procedure for military courts to try terrorist crimes: historical parallels. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 4, pp. 130–137. DOI 10.33184/pravgos-2022.4.18 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Действующее российское законодательство определяет сущность противодействия терроризму как деятельность органов государственной власти, местного самоуправления, а также физических и юридических лиц, нацеленную на решение задач по предупреждению терроризма; выявлению, предупреждению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом) и минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма¹.

Противодействие терроризму может быть эффективным, только когда такая деятельность носит комплексный характер, связанный с применением норм различной отраслевой принадлежности. При этом в рамках отдельных отраслей права формируется группа специализированных правовых норм, регламентирующих средства (в том числе материально-правовые и процессуальные) противодействия терроризму. В частности, уголовно-процессуальное право регламентирует такие элементы борьбы с терроризмом, как расследование и судебное рассмотрение уголовных дел о преступлениях террористической направленности.

Российское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает ряд особенностей производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности, которые можно разделить на несколько групп: 1) допускающие повышенный уровень ограничения прав и свобод лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование; 2) направленные на выяснение специфических для данной группы дел обстоятельств, входящих в предмет доказывания; 3) императивно определяющие подсудность уголовных дел и состав суда [1].

Система уголовно-процессуальных средств борьбы с терроризмом проходит в на-

стоящее время этап становления. Своего решения ждет целый ряд вопросов, касающихся регламентации деятельности по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел террористической направленности. Ответы на многие из них можно найти, обратившись к истории военного уголовного судопроизводства, накопившего огромный опыт противодействия террористическим угрозам. Изучение истории полезно не только тем, что оно знакомит исследователя с принимавшимися в свое время законодательными решениями, но – и это главное – позволяет судить об их эффективности и целесообразности применения в современных условиях.

ВОЕННАЯ ПОДСУДНОСТЬ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Обращаясь к законодательству дореволюционной России, нельзя не увидеть очевидных параллелей с современностью. Вторая половина XIX – начало XX в. характеризовались беспрецедентным ростом числа противоправных деяний, которые в наши дни принято именовать преступлениями террористической направленности. Здесь надо отметить, что ни Уголовное уложение 1845 г., ни даже разработанное с учетом накопленного за десятилетия опыта противодействия терроризму Уголовное уложение 1903 г. не выделяли терроризм или террористический акт в качестве самостоятельного состава преступления – такого рода деяния охватывались понятием «государственные преступления» [2, с. 103]. Поэтому, когда в нормативных актах рассматриваемого периода идет речь о «преступлениях государственных», следует понимать, что в виду имеются, прежде всего, преступления террористической направленности. Именно против них в первую очередь были направлены чрезвычайные законы последних десятилетий существования Российской империи.

Одним из первых ответов законодателя на активизацию революционного движения, широко практиковавшего в своей борьбе терро-

1 О противодействии терроризму : федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2022).

ристические методы, стало временное подчинение дел о государственных преступлениях ведению военного суда. Сразу отметим, что в настоящем исследовании основное внимание будет уделено вопросам, связанным с рассмотрением военными судами уголовных дел в отношении гражданских лиц. Такой выход за пределы традиционной для военных судов персональной подсудности, с одной стороны, был свидетельством чрезвычайного характера принимаемых законов, а с другой – обусловил существенную специфику процессуальной формы.

Именным Высочайшим указом от 9 августа 1878 г. было предусмотрено предание военному суду лиц, обвиняемых в вооруженном сопротивлении властям, нападении на должностных лиц, находящихся при исполнении или в связи с исполнением ими должностных обязанностей, если такие действия сопровождались убийством (покушением на убийство), нанесением ран, увечий, тяжких побоев или поджогом². Надо отметить, что законодатель не относил такие дела прямо к подсудности военных судов – передача уголовных дел осуществлялась на основании дискреционных решений сначала органов военного управления соответствующих местностей в лице главных начальников военных округов, а позднее также по распоряжениям генерал-губернаторов³.

Как не вспомнить здесь недавние изменения в современном уголовно-процессуальном законодательстве⁴, предусмотревшие передачу по решению Верховного Суда РФ, вынесенному на основании ходатайства Генерального прокурора РФ или его заместителя, для рассмотрения в окружной (флотский) военный суд уголовных дел о ряде преступлений (большинство из которых террористической направленности) при наличии реальной угрозы личной безопасности участников судебного разбирательства, их близких родст-

2 О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени: [Именной Высочайший указ от 09.08.1878] // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1880. Собр. 2. Т. LIII. Отд. II, ст. 58778.

3 О назначении временных генерал-губернаторов в городах С.-Петербурге, Харькове и Одессе и о предоставлении, как сим генерал-губернаторам, так и генерал-губернаторам в Москве, Киеве и Варшаве некоторых особых прав для охранения порядка и общественного спокойствия во вверенном им крае: [Именной Высочайший указ от 05.04.1879] // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1881. Собр. 2. Т. LIV. Отд. I, ст. 59476.

4 О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 27.12.2009 № 346-ФЗ // Российская газета. 2009. 29 дек.

венников, родственников или близких лиц. Обратим внимание на то, что как по указам от 9 августа 1878 г. и 5 апреля 1879 г., так и по Федеральному закону от 27 декабря 2009 г. № 346-ФЗ компетенция военных судов распространена на гражданских лиц, обвиняемых в совершении преступлений террористической направленности.

Несмотря на очевидность исторической параллели законодательных решений, принятых с разницей в 130 лет, надо сказать о том, что мотивы, лежащие в их основании, различны. Дело в том, что уголовные дела о преступлениях террористической направленности передавались в военные суды для суждения их по законам военного времени, что предполагало назначение виновным повышенной меры наказания (лишение всех прав состояния и смертная казнь). Другими словами, дореволюционный законодатель своим решением преследовал цель ужесточения ответственности террористов. В современных условиях рассмотрение уголовного дела военным судом такого эффекта не обеспечивает.

Примечательно, что главные начальники военных округов и генерал-губернаторы по передаваемым ими в военные суды уголовным делам наделялись чисто процессуальными полномочиями, свойственными судопроизводству в военное время. В частности, они были вправе «прощать виновных и смягчать им наказание», утверждать приговоры к смертной казни, а также не давать движения поданным по делу кассационным жалобам.

Убийство императора Александра II продемонстрировало невозможность обеспечения общественной безопасности не только законами, «сообразованными с обычным состоянием мирного общежития», но и «разрозненными чрезвычайными законами». В это время законодатель осознает необходимость конструирования особых правовых режимов, создающих оптимальную «среду» для противодействия преступным посягательствам террористической направленности. 14 августа 1881 г. издается Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия⁵, предусматривавшее возможность введения в отдельных местностях исключительного положения нескольких видов: 1) усиленной охраны; 2) чрезвычайной охраны и 3) режима, вводимого в губерниях и областях, смежных

5 Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия: [Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров от 14.08.1881] // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1885. Собр. 3. Т. I, ст. 350.

с объявленными в исключительном положении. На территориях, состоявших на положении усиленной охраны, генерал-губернаторы, а в не подчиненных им губерниях – министр внутренних дел сохранили право передавать на рассмотрение военного суда для суждения по законам военного времени *отдельные дела об общеуголовных преступлениях*, когда это признавалось необходимым в интересах ограждения общественного порядка. Если же объявлялось положение чрезвычайной охраны, то генерал-губернатор имел право изъятия из общей подсудности с передачей на рассмотрение военного суда *уже целых категорий дел «об известного рода преступлениях и проступках»*. По сути, генерал-губернатор, реализуя такое право, получал возможность изменения в отдельных местностях регламентации подсудности уголовных дел. Своим решением он устанавливал императивную подсудность военным судам определенных категорий уголовных дел, среди которых основную массу составляли деяния террористического характера.

Понятно, что подобный алгоритм регламентации подсудности немыслим в современных условиях. Но вместе с тем оставить без внимания положения действующего законодательства, предусматривающие прямое отнесение к подсудности военных судов целого ряда уголовных дел о преступлениях террористической направленности, нельзя. Напомним, что в соответствии с Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ⁶ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, ч. 4 ст. 211 УПК РФ, которые ранее могли передаваться в военные суды по решению Верховного Суда РФ только при наличии реальной угрозы личной безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц, а также уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 277, 278, 279 и 360 УК РФ, если их совершение было сопряжено с осуществлением террористической деятельности, с 1 января 2015 г. были отнесены к исключительной подсудности Московского окружного военного суда и Северо-Кавказского окружного военного суда⁷. Таким образом, как в законодательстве дореволюционной России, так и в действу-

ющем уголовно-процессуальном законе четко просматривается интенция законодателя установить специализацию военных судов по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [3].

Влияние особых правовых режимов на уголовно-процессуальную форму

Следует сказать о том, что на рубеже XIX–XX вв. российский законодатель всегда сопровождал регламентацию особых правовых режимов установлением специальных правил судопроизводства по уголовным делам. И это, несомненно, правильно, поскольку объективные условия, служащие основанием введения особого правового режима в той или иной местности, всегда требуют приспособления к ним процессуальной формы [4]. Несомненно, это касается и процедуры производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности. Положение от 18 июня 1892 г.⁸ о местностях, объявленных состоящими на военном положении, предоставляя генерал-губернаторам право передавать на рассмотрение военного суда отдельные дела о преступлениях, предусмотренных общими уголовными законами (прежде всего, дел о вооруженном сопротивлении властям, нападении на должностных лиц, находящихся при исполнении или в связи с исполнением ими должностных обязанностей, если такие действия сопровождалось убийством, покушением на убийство, нанесением ран, увечий, тяжких побоев или поджогом), устанавливало ряд процессуальных правил производства по таким делам. В частности, закон требовал каждый раз особого назначения временных членов суда, причем исключительно из числа штаб-офицеров, и рассмотрения уголовных дел только при закрытых дверях, а избрание и назначение защитника проводить по правилам, предусмотренным положениями Военно-судебного устава. Местные начальники полиции в период военного положения получали право задерживать на срок не более двух недель любых лиц, «внушающих основательное подозрение» в совершении преступлений государственных или нарушающих существенные интересы армии, в принадлежности к противозаконным сообществам, а также производить в любое время обыски и наложение ареста на всякого рода имущество, указывающее на преступность действий или намерений.

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ // Российская газета. 2014. 7 мая.

⁷ В настоящее время перечень преступлений и круг военных судов (включая их наименования) изменились, однако подробный анализ этих изменений выходит за пределы тематики настоящей статьи.

⁸ О местностях, объявляемых состоящими на военном положении : [Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 18.06.1892] // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1895. Собр. 3. Т. XII, ст. 8757.

Если говорить о современном законодательстве, то оно почти не содержит примеров дифференциации уголовно-процессуальной формы, применяемой в местностях, где введены особые правовые режимы (исключение составляет только положение п. «ж» ст. 12 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ⁹). Между тем очевидно, что общий порядок судопроизводства непригоден для расследования и судебного рассмотрения уголовных дел в условиях военного времени (а тем более в боевой обстановке). Особые правила судопроизводства требуются и в условиях действия правового режима контртеррористической операции. К сожалению, в направлении разработки дифференцированных форм процессуальной деятельности, адекватных специфическим условиям ее осуществления на территориях, где действуют особые правовые режимы, пока еще сделано очень мало.

ОГРАНИЧЕНИЕ ГЛАСНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

В Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. появляется важный элемент процессуальной формы производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности – ограничение гласности. Действовавший в рассматриваемый период Военно-судебный устав 1867 г. также предусматривал ограничение гласности по уголовным делам о государственных преступлениях, но они касались главным образом дел об обвинении подсудимых в произнесении дерзких и оскорбительных слов против государя императора или членов Императорского Дома (ст. 1120)¹⁰. При объявлении положения усиленной охраны генерал-губернаторы, а в не подчиненных им губерниях – министр внутренних дел получили право требовать рассмотрения при закрытых дверях «судебных дел, публичное рассмотрение коих может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка».

Тенденция к ограничению гласности судопроизводства по делам о преступлениях террористической направленности прослеживается

⁹ О чрезвычайном положении : федер. конституц. закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.08.2022).

¹⁰ Устав военно-судебный (С.В.П., 1869 г., XXIV). Дополнен позднейшими узаконениями и распоряжениями по 1879 год. – Казань : Губернская тип., 1879. С. 219.

и в современном уголовно-процессуальном законодательстве. В 2014 г. перечень уголовных дел, по которым допускается оглашать только вводную и резолютивную части приговора, был расширен за счет уголовных дел, относящихся к рассматриваемой группе¹¹. Причем основаниями для такого законодательного решения послужили соображения, связанные с обеспечением безопасности судей, а также стремление не допустить распространения сведений об организации и структуре преступных сообществ, совершающих террористические акты и вооруженные мятежи. Надо учитывать, что террористам зачастую бывает важно показать общественности, особенно тем группам населения, которых они оценивают как потенциальную социальную базу своей поддержки, что они вынуждены обращаться к терроризму ввиду наличия неких объективных и непреодолимых обстоятельств [5]. Очевидно, что открытое судебное заседание вкупе с предусмотренной законом возможностью его видеозаписи и даже трансляция по радио, телевидению или в сети Интернет создает для этого оптимальные условия. В этой связи ограничение гласности судопроизводства по такого рода делам необходимо распространить не только на этап оглашения приговора, но и на все судебное разбирательство. В этой связи в уголовно-процессуальное законодательство целесообразно включить положение, согласно которому рассмотрение уголовных дел о преступлениях террористической направленности всегда осуществляется в закрытом судебном заседании [6, с. 20].

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Процессуальная форма производства в военных судах по делам о государственных преступлениях изначально отличалась упрощением и ускорением¹². Так, если преступление было очевидным, предание суду осуществлялось без производства предварительного

¹¹ О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 21.07.2014 № 251-ФЗ // Российская газета. 2014. 25 июля.

¹² О порядке производства дел о лицах гражданского ведомства, передаваемых военному суду на основании Высочайших указов 9 августа 1878 года и 5 апреля 1879 года : [Именной Высочайший указ от 08.04.1879] // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1881. Собр. 2. Т. LIV. Отд. 1, ст. 59491.

следствия, на основании сведений, собранных в ходе дознания. Дело могло слушаться без вызова свидетелей, если таковые не могли явиться в суд в течение трех дней, на основе оглашенных в судебном заседании показаний, данных на предварительном следствии или дознании. Всего один день давался прокурору – на представление полученного после производства предварительного следствия уголовного дела генерал-губернатору со своим заключением о дальнейшем направлении дела; суду – на то, чтобы дать законный ход делу, полученному от прокурора, а также на изготовление приговора после его оглашения; сторонам – на обжалование приговора. Как писал Н.А. Троицкий, главной чертой военно-судебного разбирательства оказывалась чисто воинская оперативность, неминусомо сопряженная в данном случае с крайней бесцеремонностью [7, с. 209].

Особое место в истории российского контртеррористического законодательства занимают Правила о военно-полевых судах от 20 августа 1906 г.¹³ Надо сказать, что те немногие научные работы, в которых рассматривается деятельность этих судов, дают резко негативную оценку военно-полевой юстиции. Во многом это объясняется тем, что такие работы публиковались в советское время [8; 9], когда иной взгляд на борьбу царской военной юстиции с революционным движением был немыслим. Мы не будем здесь судить о справедливости таких оценок, поскольку это выходит за пределы тематики настоящей статьи. В то же время нельзя недооценивать сложность ситуации, в которой оказалась правоохранительная система царской России на рубеже XIX–XX вв. Идеи массового террора в этот период охватили практически все революционные структуры страны, причем в их число входили не только анархисты, социалисты-революционеры, но и социал-демократы. Российское общество стало привыкать к насилию как к совершенно нормальному и обыденному способу противостояния монархической власти [10, с. 7–8]. Соответственно, жестким и категоричным оказался и ответ на террористические угрозы.

Особые условия и масштабы противоправной деятельности неизбежно требуют корректировки процессуальной формы. В рассматриваемый период в столицу поступали многочисленные сообщения с мест об увеличении числа террористических актов

и подготовке широкомасштабных вооруженных восстаний. Выступая 8 июня 1906 г. перед депутатами Государственной думы, министр внутренних дел П.А. Столыпин приводил статистику террористических актов за год – с апреля 1905 г. по апрель 1906 г.: всего пострадало 671 должностное лицо, из которых убито 288 человек, остальные ранены. Сообщалось также о 156 неудачных покушениях [10, с. 147]. При этом, как отмечают М.Б. Колотков и С.М. Лоскутов, все усилия полиции пропадали даром ввиду несовершенства судебной системы, позволявшей многим террористам оставаться безнаказанными или получать сравнительно небольшие наказания. В сложившихся условиях становилось очевидно, что обычное правосудие не в силах справиться с террором и следует прибегнуть к временным экстраординарным мерам [2, с. 120].

Ключевая особенность военно-полевой юстиции состояла в ее быстроте (неслучайно ее прозвали «скорострельной»). Интенцию развитию процессуальной формы в данном направлении придавали не только уже апробированные прежде правила производства в военных судах, но и личные взгляды императора Николая II, признававшего смертные приговоры только тогда правильными, когда они приводятся в исполнение через 48 часов после совершения преступления. В ином случае, считал самодержец, такие приговоры являются «актами мести и холодной жестокости» [8, с. 90].

Военно-полевые суды учреждались немедленно после совершения преступления, причем решение о предании суду содержалось непосредственно в приказе соответствующего военного начальника об учреждении военно-полевого суда. Сразу после формирования военно-полевой суд приступал к разбирательству дела и был обязан рассмотреть его не позднее двух суток. Разбирательство уголовного дела происходило в закрытом судебном заседании, а приговор вступал в силу немедленно по провозглашении и в течение суток подлежал исполнению.

Низкий уровень процессуальных гарантий в военно-полевых судах, обеспечивавший быстроту и «безотказность» военной юстиции, вызывал тревогу у ряда политических деятелей. В марте 1907 г. группа депутатов II Государственной думы внесла законодательное предложение об отмене военно-полевых судов. В Государственном совете эта инициатива поддержки не нашла, а во время обсуждения в Государственной думе П.А. Столыпин признал, что в ситуации с военно-полевыми судами

¹³ Правила о военно-полевом суде от 20.08.1906 // Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1909. Собр. 3. Т. XXVI. Отд. I, ст. 28257.

«государственная необходимость стоит выше права»¹⁴.

Опыт использования военно-полевой юстиции в борьбе с терроризмом со всей очевидностью показал, что трансформация порядка судопроизводства, приспособляемого к особым условиям, должна иметь разумные пределы, не переходя ту границу, за которой судебная деятельность утрачивает черты правосудия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование наглядно показало наличие в судопроизводстве по уголовным делам о преступлениях террористического характера ряда значимых особенностей, которые воспроизводятся законодателем всякий раз, когда уголовный процесс мобилизуется на борьбу с терроризмом. Ключевое значение имеет расширение военной подсудности, придание военным судам специализации по уголовным делам о преступлениях

террористической направленности. Кроме того, неизменно ограничивается гласность судопроизводства, что обусловлено различными причинами, главная из которых состоит в предупреждении распространения террористической идеологии и использования обвиняемыми по таким делам скамьи подсудимых в качестве пропагандистской трибуны.

В то же время анализ контртеррористического законодательства царской России вскрывает ряд лагун в современной регламентации аналогичных правоотношений. Речь идет прежде всего об отсутствии дифференцированных форм судопроизводства, приспособленных к условиям особых правовых режимов. Одним из таких является правовой режим контртеррористической операции, в рамках которого если не судебное разбирательство, то уж как минимум досудебное производство по уголовным делам обязательно должно вестись по особым правилам, которых современное законодательство до сих пор не содержит.

¹⁴ Основные положения законопроекта об отмене положения о военно-полевых судах. 9 марта 1907 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/37159> (дата обращения: 03.08.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дикарев И.С. Уголовно-процессуальные особенности производства по уголовным делам о преступлениях террористической направленности / И.С. Дикарев // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы : тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (26–28 мая 2022 г.) / пред. редкол. А.В. Павлов. – Омск : Омская академия МВД России, 2022. – С. 21–24.
2. Колотков М.Б. Антитеррористическая политика Российской империи: историко-правовое исследование : монография / М.Б. Колотков, С.М. Лоскутов. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 168 с.
3. Дикарев И.С. Специализация военных судов по уголовным делам о преступлениях террористической направленности / И.С. Дикарев // Вестник военного права. – 2021. – № 4. – С. 26–31.
4. Дикарев И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие / И.С. Дикарев // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 18–21.
4. Петрищев В.Е. Противодействие террористической идеологии – приоритетное направление профилактики терроризма. Статья для II Всероссийской научно-практической Конференции в МГУ им М.В. Ломоносова. Москва, 13–14 октября 2010 г. / В.Е. Петрищев [Электронный ресурс]. URL: <http://nac.gov.ru/publikacii/stati-knigi-broshyury/petrishchev-ve-protivodeystvie.html>.

REFERENCES

1. Dikarev I.S. Criminal procedural features of proceedings in criminal cases on terrorist crimes. 20 let dejstviya Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: uroki i perspektivy. Tezisy dokladov i soobshchenij mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (26–28 maya 2022 g.) [20 years of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Lessons and Perspectives. Abstracts of reports and presentations of the international scientific and practical conference (May 26–28, 2022)]. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022, pp. 21–24. (In Russian).
2. Kolotkov M.B., Loskutov S.M. Antiterroristicheskaya politika Rossijskoj imperii: istoriko-pravovoe issledovanie [Antiterrorist policy of the Russian Empire: historical and legal research]. Moscow, Yurlitinform, 2020. 168 p.
3. Dikarev I.S. Basis of the specialization of military courts in criminal cases of terrorist crimes. Vestnik voennogo prava = Military Law Bulletin, 2021, no. 4, pp. 26–31. (In Russian).
4. Dikarev I.S. Differentiation of the criminal-procedural forms and factors determining it are revealed. Rossijskaya yusticiya = Russian Justice, 2013, no. 12, pp. 18–21. (In Russian).
4. Petrishchev V.E. Countering terrorist ideology is a priority area for the prevention of terrorism. Article for the II All-Russian Scientific and Practical Conference at Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Moscow, October 13–14, 2010. Available at: <http://nac.gov.ru/publikacii/stati-knigi-broshyury/petrishchev-ve-protivodeystvie.html>.

5. Дикарев И.С. Гласность уголовного судопроизводства в контексте противодействия терроризму (часть вторая) / И.С. Дикарев, С.Л. Никонович // Вестник военного права. – 2022. – № 2. – С. 16–22.

6. Троицкий Н.А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. / Н.А. Троицкий. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1976. – 408 с.

7. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 4. Петропавловская крепость. 1900–1917 / М.Н. Гернет. – 3-е изд. – Москва : Госюриздат, 1962. – 303 с.

8. Полянский Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / Н.Н. Полянский. – Москва : Изд-во Московского университета, 1958. – 240 с.

9. Колотков М.Б. Террор и антитеррор в России: историко-правовой аспект : монография / М.Б. Колотков. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 184 с.

5. Dikarev I.S. Nikonovich S.L. Publicity of criminal proceeding in the context of countering terrorism. Vestnik voennogo prava = Military Law Bulletin, 2022, no. 2, pp. 16–22. (In Russian).

6. Troitsky N.A. Carskie sudy protiv revolyucionnoj Rossii. Politicheskie processy 1871–1880 gg. [Tsarist courts against revolutionary Russia. Political trials in 1871–1880]. Saratov State University, 1976. 408 p.

7. Gernet M.N. Istoriya carskoj tyur'my [History of the royal prison]. 3rd ed. Moscow, Gosyurizdat, 1962. Vol. 4. 303 p.

8. Polyansky N.N. Carskie voennye sudy v bor'be s revolyuciej 1905–1907 gg. [Tsarist military courts in the fight against the revolution of 1905–1907]. Moscow, Moscow State University, 1958. 240 p.

9. Kolotkov M.B. Terror i antiterror v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt [Terror and anti-terror in Russia: historical and legal aspect]. Moscow, Yurlitinform, 2018. 184 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дикарев Илья Степанович – доктор юридических наук, доцент, директор Института права Волгоградского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dikarev Ilya Stepanovich – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Director of the Institute of Law, Volgograd State University.

Статья поступила в редакцию 09.09.2022; одобрена после рецензирования 09.10.2022; принята к публикации 10.10.2022. The article was submitted 09.09.2022; approved after reviewing 09.10.2022; accepted for publication 10.10.2022.